

Концептуально-содержательное своеобразие художественного перевода поэмы «Демон» М. Ю. Лермонтова на кыргызский язык в варианте О. Султанова

Ж. О. Султанова

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина,
Кыргызская Республика, 720000, Бишкек, ул. Киевская, 44

Для цитирования: Султанова Ж. О. Концептуально-содержательное своеобразие художественного перевода поэмы «Демон» М. Ю. Лермонтова на кыргызский язык в варианте О. Султанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2024. Т. 16. Вып. 2. С. 423–439. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.209>

Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон», которую называют самым мистическим и одним из самых популярных (в том числе и в плане перевода) произведений поэта, демонстрирует многослойность заложенных в ней тем и образов. В связи с этим актуальность исследования обусловлена тем, что при литературном переводе у текста появляется еще больше дополнительных граней и смыслов. В Кыргызстане кыргызский язык является государственным, а русский носит статус официального, поэтому доброе соседство, сотрудничество двух этих языков на протяжении десятилетий способно раскрыть все разнообразие социокультурного фона кыргызской аудитории. Двуязычие аудитории требует от переводчика еще большей ответственности, филигранной точности при переводе каждого слова, так как почти каждый читатель Кыргызстана, владея обоими языками, способен оценить качество сделанного перевода. Однако при многолетнем сосуществовании и теснейшем контакте двух языков можно отметить малоизученность взаимодействия русского и кыргызского языков в рамках художественного перевода, что обуславливает новизну данного исследования. Проблматику исследования можно обозначить как художественный перевод в условиях соприкосновения неродственных друг другу языков — русского (входит в группу восточнославянских языков) и кыргызского (относится к группе тюркских языков). Цель работы — выявить концептуальные основы кыргызского перевода поэмы «Демон» путем его сравнительного анализа с оригиналом произведения. В данном исследовании изучается перевод поэмы, сделанный народным поэтом Кыргызстана Омором Султановым. На кыргызском языке она носит название «Азрейл». К основным задачам исследования относится изучение особенностей, отличительных черт художественного перевода «Демона» на кыргызский язык в варианте О. Султанова. В рамках данного исследования концептуальные и смысловые акценты перевода поэмы имеют первостепенное значение, в то время как оценка его эквивалентности и адекватности, а также степень адаптивности выступают дополнительными параметрами для изучения.

Ключевые слова: Демон, Азрейл, поэтический перевод на кыргызский язык, концепт, содержательное своеобразие, эквивалентность, адекватность, М. Ю. Лермонтов, О. Султанов.

Введение

При рассмотрении теоретических основ перевода, в особенности художественного, могут быть затронуты две группы вопросов содержательного и технического характера. Первая связана с особенностями культурного и авторского восприятия текста, вторая — с нюансами стихосложения, которые индивидуальны для каждой страны и того или иного языка.

Изучая особенности художественного перевода с одного языка на другой, тем более когда это языки неродственные, стоит обращать особое внимание именно на социокультурные особенности каждого языкового сообщества, так как культура формирует мировоззрение, которое, в свою очередь, способно ассимилироваться с мировоззрением другого языкового сообщества. Таким образом, говоря о концептуальном своеобразии перевода художественного произведения на кыргызский язык, в данном исследовании мы исходим из того, что концепт представляет собой определенный параметр коллективного сознания, который опирается на духовные ценности, выражается в языке и имеет свои этнокультурные особенности [1, с. 101]. И для правильного определения и сравнения концептов, заложенных в самой поэме «Демон» и ее переводе на кыргызский язык необходимо прибегнуть к качественному контент-анализу.

Популярность произведений М. Ю. Лермонтова в рамках литературного перевода бесспорна. Авторы-переводчики со всего мира довольно часто обращаются к творчеству Лермонтова. На просторах стран бывшего СССР, в том числе и в Кыргызстане, данная тенденция особенно сильна. Исследователь Е. Озмитель отмечает, что перевод русской литературы на кыргызский язык начался со стихотворения М. Ю. Лермонтова «Три пальмы», авторство перевода принадлежит основоположнику кыргызской письменной литературы Касымалы Баялинову. Кыргызский фольклор с его романтическими устоями имеет много общего с романтическим пафосом поэзии Лермонтова, особенно с его произведениями о Востоке, о горах [2].

Одним из ведущих переводчиков Лермонтова на кыргызский язык считается Омор Султанов¹, который относился к новой волне поэтов-шестидесятников. Он перевел большое количество стихотворений поэта, а венцом его переводческой деятельности является поэма «Демон». В данной работе мы обращаемся к исследованию литературного перевода поэмы именно в варианте О. Султанова (в 1951 г. «Демон» был переведен на кыргызский язык З. Мамытбековым). О. Султанов особо выделял для себя творчество М. Ю. Лермонтова и активно занимался переводами его произведений в 1980-е гг. Так, у Султанова на кыргызском языке в свет вышли две отдельные книги переводов Лермонтова²: первая — избранные стихи в 1986 г., вторая — перевод поэмы «Демон» в 1987 г., впоследствии переиздававшийся четыре раза.

¹ Омор Султанов (1935–2022) — народный поэт Кыргызской Республики, широко известный своими поэтическими, прозаическими произведениями, киносценариями, переводами. Считается одним из классиков кыргызской литературы.

² В 2009 г. народному поэту Кыргызстана Омору Султанову вручена международная литературная премия им. М. Лермонтова. Этой награды он удостоен в том числе и за перевод сборника ранних стихов русского поэта, а также за оригинальный перевод поэмы М. Лермонтова «Демон» («Азрейл») [3].

Переход от лермонтовского «Демона» к султановскому «Азреилу»

«Демон» — романтическая поэма с прямой композицией, которую М. Ю. Лермонтов создавал в течение примерно десяти лет, с 1829 по 1839 г. Она претерпела восемь основных редакций. Основная идея поэмы заключается в конфликте ангела и демона, противостоящих друг другу внутри каждого человека, когда только от него самого зависит, чью сторону он примет. Некоторые отрывки из произведения были напечатаны в журнале «Отечественные записки» в 1842 г., однако полностью «Демон» был впервые опубликован лишь в 1856 г. в Германии и затем в 1860 г. в России. В творчестве Лермонтова В. Г. Белинский ставил поэму «Демон» однозначно выше поэмы «Мцыри», опубликованной раньше, считая, что мысль «Демона» глубже и несравненно более зрелая, чем мысль «Мцыри» [4].

Переводчик О. Султанов создал классический перевод поэмы «Демон», сохранив общую структуру, деление произведения. «Восточная повесть», к примеру, имеет прямой перевод «Чыгыш баяны» («Восточное повествование»). Если говорить о названии, то он перевел слово «демон» как «Азреил» («Азраил»). В кыргызском языке это имя пишется через букву «е» — Азреил, поэтому в данной работе мы используем именно такое написание. В этом названии («Ангел смерти», белое и черное) переводчик уже пытается передать идейное противоречие поэмы, заложенное в борьбе ангела и демона.

Если **объектом** исследования выступают отличительные черты идейно-содержательной составляющей «Азреила», то способы и инструменты, использованные переводчиком при осуществлении поэтического перевода, могут быть названы его **предметом**. **Методология** работы включает в себя концептуальный подход, а также методы сравнительно-сопоставительного, литературоведческого, лингвистического и контент-анализа.

Лермонтовский «Демон» написан четырехстопным ямбом, включающим 8–9 слогов, в то время как султановский «Азреил» состоит из 11–12 слогов, принятых в традиционном кыргызском переводческом стихосложении.

Анализ кыргызского «Азреила» опирается на базовые компоненты, которые используются для характеристики любых художественных произведений. Перевод «Демона» на кыргызский язык исследуется по следующим параметрам: 1) тематика и проблематика; 2) идейно-эмоциональная составляющая; 3) образы главных действующих лиц; 4) конфликт; 5) роль природы. Стоит рассмотреть, как переводчик понимает и отражает их, а следовательно, какие языковые средства переводящего, то есть кыргызского, языка, использует для обеспечения эквивалентности и адекватности перевода по отношению к исходному тексту. Особое внимание уделяется изучению концепции, задумки перевода поэмы — тому, что и как переводчик хочет донести до своей аудитории.

Тематика и проблематика «Азреила»

В «Демоне» можно констатировать четыре тематико-проблемных центра. Изучим нюансы обращения переводчика к каждому из них.

1. Первым смысловым центром являются романтические терзания и любовь героев, за которую придется заплатить очень высокую цену.

Демон видит Тамару, встреча с которой возродила в нем давно забытое чувство любви. Строки «...Неизъяснимое волнение / В себе почувствовал он вдруг...» [5, с. 501] О. Султанов переводит как «...Туш болуп тушүнүксүз бир сезимге, / Деңдароо боло түштү толкунданып...» («столкнувшись с необъяснимым чувством, стал объят нерешительностью и волнением») [6, с. 55]. Стоит отметить, что переводчик, с одной стороны, подчеркивает смятение Демона, связанное с неожиданно вспыхнувшим у него чувством, словом «деңдароо» (пребывающий в нерешительности)³. В переводе, таким образом, усилено чувство волнения, охватившее Демона. С другой стороны, акцент делается на «возвращении героя» к давно забытым ощущениям: строчка «любви, добра и красоты» [5, с. 501] воспроизводится как «суулулук» (красота), «алтейимдик» (благоденствие) и «арзуу»⁴ (желание, в контексте «любовь») [6, с. 55]. В данном случае, как мы видим, переводчику важно донести мысль о том, что Демон не просто вспоминает о забытых чувствах любви и добра, а жаждет возврата к желанному благоденствию⁵, что ближе восприятию кыргызского читателя. В оригинале поэмы в теме любви Демона к Тамаре работает концепт «чувство»⁶, а в кыргызском переводе — это концепт «благоденствие». Это можно объяснить тем, что любовь ассоциируется у традиционной кыргызской семьи со стабильностью, гармонией, с детьми, соответственно с благополучием и счастливой жизнью. Именно по таким беззаботным дням тосковал Демон, испытав забытое чувство блаженства при виде Тамары.

Тамара же находится в томительном ожидании. Переводчик намеренно гиперболлизует состояние героини, чтобы ярче его передать. О. Султанов пытается акцентировать все внимание на том, что Тамара испытывает тревогу и горестные чувства в ожидании Демона. Строка «Тоской и трепетом полна» [5, с. 510] переведена как «Калтырап бүт денесин кайгы баскан» («все тело ее дрожало и трепетало от горести») [6, с. 65]. А «И смотрит вдаль прилежным оком» [5, с. 510] звучит как «Муңайып ойго чөгүп карайт алыс» («окунувшись в печальные думы, смотрит вдаль») [6, с. 65]. В данном случае отправной точкой перевода является печаль прекрасной девушки. Концептом отношения Тамары к Демону в русском варианте выступает «ожидание» встречи с тем, кто завладел ее мыслями, а в кыргызском — «печаль». Девушка печальна, так как вместе с трепетным ожиданием Демона она предчувствует, что она ждет того, кто может ее погубить. Появление такого концепта объясняется тем, что издревле по традиции юная кыргызская девушка была всегда печальна в ожидании своего суженого, потому что вместе с ним навеки покидала отчий дом, не зная, что ждет ее впереди и как ее примет семья будущего мужа.

2. Второй смысловой центр — это внутренние противоречия героев, их борьба с самими собой, со своими страхами и скрытыми порочными желаниями.

В продолжение темы о горестном состоянии Тамары можно сказать, что она теряет покой, пытается противостоять соблазну искусителя, который может при-

³ Характеристика, отсутствующая в исходном тексте.

⁴ В данном контексте переводится как «желание».

⁵ По мнению переводчика, понятие «желанное благоденствие» намного глубже понятий «любовь» и «добро».

⁶ Чувство к прекрасной юной деве, олицетворяющей чистоту и непорочность, в качестве врата к прошлому.

вести ее к гибели. О. Султанов, подбирая довольно точные эквиваленты слов, обращает особое внимание на то, что Тамара осознает степень своей обреченности и отчаянно ищет выход из ситуации. В переводе слова Тамары: «Творец... Увы!..» [5, с. 514] («Теңирим... Атаганат! Мен кантейин...» [6, с. 70]) усилены риторическим вопросом «мен кантейин» («как мне быть...»), обращенным к Богу с мольбой о помощи, но на самом деле констатирующим беспомощность героини в противостоянии своим чувствам к Демону. Это подтверждается и добавленным при переводе на кыргызский язык к строке «...я не могу / Молиться...»⁷ [5, с. 514] («Алсырап жалына албай турам сага» [6, с. 70]) словом «алсырап» (обессилев). Получается выражение «обессилев, не могу молиться я тебе». В кыргызском переводе, в отличие от оригинала, слова Тамары больше обращены к Богу, а через него к себе самой — она смотрит в глаза своему страху и грешным мыслям, боится самой себя. В данном случае у Лермонтова мы видим действие концепта «слабость»⁸ как неспособности противостоять своим соблазнам, в кыргызском «Азрейле» же она становится «неопределенностью», которая проявляется в желании противостоять искушению, но сопровождается страхом не справиться с ситуацией. К примеру, в кыргызских традициях девушка не должна говорить о том, что готова поддаться соблазну, в этом контексте концепт «неопределенность» констатирует все моральные преграды на пути ее искреннего стремления побороть свои порочные желания.

3. Третий смысловой центр проблематики заключается в теме одиночества.

Демон — изгнанник небес предстает в поэме символом одиночества и отрешенности. В «Азрейле» одиночество Демона подается с точки зрения его угнетенности. Например, рассмотрев первую строчку поэмы «Печальный Демон, дух изгнания» [5, с. 497], которая в переводе звучит как «Куулган Азрейл муңга баткан» («изгнанный Демон, погруженный в печаль») [6, с. 50], мы видим, что, меняя композицию стихотворных строк с учетом особенностей кыргызского языка, переводчик смещает акцент с «изгнанника» на «погруженного в печаль». Еще один пример: в кыргызском переводе строки «Давно отверженный блуждал» [5, с. 497] — «Куулуп-сүрүлгөн ал жүрдү каңгып» («отверженный, он ходил растерянный») [6, с. 51] — появляется уточняющее слово «каңгып», которое в кыргызском языке имеет два значения — «ополоумевший» и «растерянный». Оба они могут быть адекватно вплетены в контекст. Данное уточнение призвано еще глубже описать страдания Азрейла, обреченного на вечные скитания в полном одиночестве. В оригинале поэмы на русском языке и в переводе на кыргызский язык тема одиночества сопровождается одноименным концептом «одиночество», но работает он по-разному. В оригинале он неразрывно связан с гордыней, не позволяющей Демону вернуться к забытому давно добру. В кыргызском «Азрейле» одиночество ассоциируется с растерянностью и может привести даже к сумасшествию, так как остаться одному в кыргызской культуре считается невыносимым. Это связано с тем, что традиционная кыргызская семья с большим количеством детей и родственников не предполагает одиночество как собственный выбор, а лишь как безысходность.

4. Важность веры в жизни каждого человека выступает четвертым смысловым центром. Вера необходима, так как именно она способна даровать спасение.

⁷ У Лермонтова «я не могу» и «Молиться» расположены на разных строчках. В переводе соответствующая фраза расположена на одной строке.

⁸ «...гибельной отравой / Мой ум слабеющий объят!» [5, с. 514].

С одной стороны, уйдя в монастырь и не оставив своих молитв, обращенных к Богу, Тамара спасает свою душу, и после смерти ее забирает с собой Ангел. Перевод строки «*В пространстве синего эфира*» [5, с. 524] звучит как «*Көз жетпес көк асмандын мейкининде*» («в пространстве бескрайних голубых небес») [6, с. 81]. Данное описание может быть принято как адекватная замена «синего эфира» и подходит для восприятия кыргызскоязычной аудиторией, поскольку природные условия Кыргызстана предполагают знакомые с детства каждому высокие горы и просторы голубых небес. В этом отношении переводчику в качестве весьма подходящего ассоциативного ряда помогает место действия поэмы — Кавказ с его горными хребтами и бескрайними небесными сводами. Строки «*И след проступка и страданья с нее слезами он смывал*» [5, с. 524] переведены как «*Издерин күнөө менен кыйналуунун селдетип көздүн жашын төгүп жууду*» («следы вины и страданий смывал слезами, которые текли ручьем») [6, с. 81]. И здесь интерес вызывает добавленное переводчиком слово «*селдетип*»⁹, которое призвано отразить сочувствие Ангела к Тамаре: бурным потоком своих слез он как будто искупает каждый проступок, совершенный ею в земной жизни, и эта бурная река должна омыть и очистить ее перед воротами рая.

С другой стороны, отступление от молитв может грозить смертельной карой. В поэме это описано на примере жениха Тамары. Он, спеша к своей невесте, подстрекаемый Демоном, не помолился в часовне, мимо которой не проходил ни один путник, и поплатился за это жизнью:

*Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал...* [5, с. 503].

На кыргызский язык эти строки переведены следующим образом:

*А бирок көз бозоруп турган күйөө
Абалкы ата-салтын танды мүлдө.
Амалдуу Азреил алдап аны
Азгырып кара жолтой жолго салды...* [6, с. 57].

Отметим нюансы перевода данного отрывка: «*Но презрел удалой жених / Обычай прадедов своих*» — «*А бирок көз бозоруп турган күйөө Абалкы ата-салтын танды мүлдө*» («Но разгоряченный страстью жених отказался совсем от древнего обычая предков»), «*Его коварною мечтою / Лукавый Демон возмущал...*» — «*Амалдуу Азреил алдап аны Азгырып кара жолтой жолго салды*» («изворотливый (ловкий) Демон, обманув его, направил на путь несчастья»). В переводе первых строк «*удалой жених*» стал «*разгоряченным страстью*», что еще больше подчеркивает то, что он теряет контроль над собой и, как следствие, отказывается от молитвы. Порядок последующих строк в переводе меняется и становится полностью вольным, но точный по смыслу перевод: возмущение Демона «*коварной мечтой*» — становится умышленным «*направлением к несчастью*». Вольность объясняется тем, что

⁹ В данном контексте переводится как «лились ручьем».

одной из проблем перевода является стремление сохранить поэтический ритм, присущий конкретному тексту. Переводчик не всегда может воссоздать авторскую рифму, и для решения этой проблемы он изменяет внешнее содержание текста, сохраняя смысловую составляющую [7, р. 164]. В связи с этим стоит подчеркнуть, что, несмотря на вольность при переводе, Султанову удается передать все детали происшедшего и, что важно, главную мысль — вера в Бога спасает от напастей, а предав ее забвению, человек легко может оказаться во власти нечистой силы. И если Тамара спасается своей верой в Бога, то ее жениха¹⁰ пренебрежение молитвой приводит к неминуемой гибели. Это два примера последствий присутствия и отсутствия веры в данной поэме.

Вера позиционируется в оригинале произведения концептом «спасение», подразумевающим спасение души. А в переведенном на кыргызский язык варианте органично смотрится концепт «очищение». Это объясняется тем, что кыргызского читателя в первую очередь интересует тот факт, что человек покаялся, искупил молитвами свои грехи и ушел «очищенным»¹¹, то есть спасение души как таковое для кыргызской аудитории уходит на второй план, в центре находится вопрос очищения души как процесса, который может в итоге привести к спасению души как к немаловажному, но все же в данном случае второстепенному результату.

Таким образом, мы видим, что в рамках литературного перевода всех четырех тематико-проблемных центров О. Султанов осуществляет достаточно точный перевод поэтических строк Лермонтова, но нельзя назвать его буквальным. Переводчик рассматривает переводимый материал как единое целое, исходит из контекста, именно этим можно объяснить вольность Султанова при переводе ряда поэтических отрывков.

Идейно-эмоциональная составляющая «Азрейла»

Душевные метания Демона, его борьба с «небом», Богом, Ангелом, самим собой и так неожиданно возникшими чувствами к непорочной Тамаре демонстрируют многоликость образа Азрейла. В данном случае в кыргызском переводе вызывает интерес строчка поэмы «Я тот, чей взор надежду губит» [5, с. 513], которая на кыргызском языке звучит как «Маанайым майып кылат үмүттүүнү» («мой взор (настрой) калечит надеющегося») [6, с. 69]. Как мы видим, в переводе делается упор на объект воздействия: «надеющегося», в то время как в оригинале он не указан. Это, в свою очередь, в восприятии читателя увеличивает степень влияния Демона на людские судьбы. Следующую строчку «Я тот, кого никто не любит» [5, с. 513] Султанов переводит следующим образом: «Дуйнөдө сүйбөйт мени бир жан тирүү» («в мире меня не любит ни одна живая душа») [6, с. 69]. В контексте именно данного произведения использование образа живой души приходится очень кстати, расширяет горизонты формирования представления о Демоне как о властителе душ, которого все боятся.

Красота Тамары отождествляется прежде всего с божественной и природной чистотой, которая так сильно манит Демона. Изгнанник рая тоже оказывается ис-

¹⁰ Чей ум был затуманен идущими от Демона думами о скорейшей встрече с невестой.

¹¹ Не зря в переводе Ангел ручьями своих слез омывал, очищал Тамару от грехов перед вратами рая.

кушен чем-то прекрасным, что напоминает ему о прошлой жизни, полной радости и гармонии.

Вот как представлена в поэме прелестная Тамара:

*Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, живой [5, с. 500].*

Эти строки переведены следующим образом:

*Суйкайган суудагы Айдын ойноок нуру
Үлп эткен желге кээде дирилдеген,
Азыраак окшор беле ал жылмаюу
Жашоодой, жаш өмүрдөй тирүүлүк берген [6, с. 54].*

В переводе данные строки меняют свою композицию: «*Но луч луны, по влаге зыбкой*» — «*Суйкайган суудагы Айдын ойноок нуру*» («в водной глади игривый лунный луч»), «*Слегка играющий порой*» — «*Үлп эткен желге кээде дирилдеген*» («колышущийся от дуновения ветерка»), «*Едва ль сравнится с той улыбкой*» — «*Азыраак окшор беле ал жылмаюу*» («немного лишь похож на ту улыбку»), «*Как жизнь, как молодость, живой*» — «*Жашоодой, жаш өмүрдөй тирүүлүк берген*» («живую, как жизнь и молодость»). Мы видим, что смысловая нагрузка оригинального поэтического отрывка сохраняется, при этом в переведенных строчках используются образный ряд, построение предложений, которые более привычны для кыргызской аудитории, но одновременно с этим органично вплетаются в канву поэтического перевода. При этом коммуникативная стратегия заключается в том, чтобы вовлечь читателя в коммуникацию, стратегия повествования состоит в том, чтобы поделиться состоянием души в диалоге [8, р. 178].

Таким образом, идейно-эмоциональная составляющая поэмы, как в оригинале, так и в переводе на кыргызский язык, содержит концепт «зло» в метафизическом понимании, то есть власть нечистой силы над людьми. Восприятие общечеловеческого «зла» в обеих культурах (русской и кыргызской) в данном произведении видится в том числе и в том, что как в самой поэме, так и в ее переводе зло в лице Демона имеет свои слабости, одной из которых стала Тамара, а точнее, ее чистота и непорочность, к которым так стремился искуситель.

Образы главных действующих лиц

Образы Демона, Тамары и Ангела, взаимодействуя друг с другом, создают драматургию данной поэмы. Стоит рассмотреть то, как они раскрываются в произведении.

Образ Демона, уставшего от скитаний и одиночества, можно сформировать, к примеру, исходя из этих строк:

*Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил*

*В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел [5, с. 499].*

На кыргызский язык данный отрывок переведен так:

*Бирок да табияттын бул шааниси
Куугунда жүргөн анын жүрөгүнө,
Сезилди жок сыяктуу эч мааниси
Мупмуздак тардык турду иреңинде.
Карады бет алдында турган баарын
Жек көрүп, же болбосо кыжырланып [6, с. 53].*

Разберем этот отрывок. В данном случае О. Султанов меняет порядок переводимых строк, их семантические оттенки для достижения большей точности и образности в рамках понимания текста кыргызской аудиторией. В «Азреиле» эти строки имеют такую последовательность: «Природы блеск не возбудил» — «Бирок да табияттын бул шааниси» («Но даже данная красота природы»), «В груди изгнанника бесплодной» — «Куугунда жүргөн анын жүрөгүнө» («его сердцу, находящемуся в изгнании»), «Ни новых чувств, ни новых сил» — «Сезилди жок сыяктуу эч мааниси» («казалось нет никакого смысла»), «Но, кроме зависти холодной» — «Мупмуздак тардык турду иреңинде» («холодная зависть застыла на его лице»), «И все, что пред собой он видел» — «Карады бет алдында турган баарын» («смотрел на все, что видел пред собой»), «Он презирал иль ненавидел» — «Жек көрүп, же болбосо кыжырланып» («ненавидя либо раздражаясь»). Перевод в данном случае, как мы видим, можно считать весьма вольным, особенно это проявляется в четвертой строке приведенного отрывка. В данном контексте переводчик отказывается от формального перевода, переходя к ассоциативной подаче информации, когда отсутствие чувств и сил может означать и отсутствие смысла. При этом нужно подчеркнуть, что, несмотря на всю свою вольность, данный перевод в полной мере передает образ лермонтовского Демона, заложенный в рассматриваемом отрывке. Концептом, отображающим образ Демона у Лермонтова, можно считать «ненависть». Демон, отвергая все живое, сотворенное Богом, ненавидел сам и делал все, чтобы ненавидели его. В рамках кыргызского перевода концепт «ненависти» переходит в концепт «отрешенности». Кыргызский Азреил кажется скорее отстраненным от мира, нежели ненавидящим. Это продиктовано тем, что кыргызская культура не предполагает слишком открытое и прямое выражение сильных чувств, к которым, безусловно, можно отнести ненависть. Отрешенный Азреил, конечно, выражает неприятие мира, но у него оно менее пафосное и идейное, чем у ненавидящего Демона.

Тамара является символом красоты и чистоты, причем не только женской, а прежде всего небесной, природной, божественной. Лермонтов описывает красоту Тамары, а Султанов делает перевод следующим образом: «И ни единый царь земной / Не целовал такого ока» [5, с. 501] — «Дегеле жер жүзүнөн бир да ханың Көрбөгөн мындай көздү өпмөк турсун» [6, с. 54–55] («И вообще ни один хан на Земле не целовал такого ока»). В переводимых строках «царь» превращается в «хана», что абсолютно понятно для восточной культуры, тем более учитывая место действия

самой поэмы. «...Своей жемчужною росой / Не омывал подобный стан!» — «Ак жубар мончокторун жамгырлатып, Жуубаган перизатты бул сыяктуу!» («Разбросав белые бусы, не омывал еще такую красавицу»). Эквивалентом «жемчужной росе» в переводе стали «разбросанные белые бусы», а «подобный стан», пройдя переводческие метаморфозы, превратился в «такую красавицу». «Еще ничья рука земная, / По милому челу блуждая, / Таких волос не расплела» — «Алиге кол тийгизип эч бир пенде, Жаркырап мээрим төккөн бул чекеге, Чачынын өрүмдөрүн жандыра элек» («и еще ни один человек не коснулся этого светящегося благодатного чела, не расплел такие косы»). Перевод данных строк отличается излишней вольностью, но передает суть описания с добавлением дополнительных элементов, когда «рука земная» становится «человеком», а «милое чело» — «светящимся благодатным челом». Зато ювелирной точностью перевода могут похвастаться следующие строки: «С тех пор как мир лишился рая, / Клянусь, красавица такая / Под солнцем юга не цвела» — «Бейиштен жер айрылган кезден бери, Мойнумду акка сунам, мындай пери Түштүктүн күнү астында туула элек» («С тех пор как земля лишилась рая, Клянусь, такая красавица еще ни разу под солнцем юга не рождалась»). Таким образом, целью перевода было донести до читателя и внешний, и внутренний божественный образ прекрасной Тамары, заложенный в поэме. При этом, с учетом нюансов кыргызской лексики, сделано это было по-разному: где-то пришлось прибегнуть к вольному переводу, а где-то удалось сделать художественно обрамленный буквальный перевод. Общим концептом и для оригинала, и для перевода поэмы при описании образа Тамары выступает «красота», что подразумевает внешнюю женскую красоту, а также внутреннюю духовную чистоту. В Кыргызстане, так же как на Кавказе, ценят женскую красоту с точки зрения не только внешности, но и внутреннего наполнения. В кыргызском языке есть подходящая пословица, которую можно перевести как «Красота юрты (дома) в жене»¹², соответственно, между женским образом, домом и красотой можно ставить знак равенства.

Ангел, отождествляющий божественное начало, безусловно, является символом высшей добродетели. Доказательством могут служить следующие строки:

*Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом... [5, с. 512].*

Переведены они следующим образом:

*Бейиштен келген элчи — ак периште,
Күнөөкөр жаш сулуунун ийнинде ээси,
Нур төгүп кабак-кашын жаркыратып,
Душманга калкан болуп күлүңдөөсү
Коргоду канаттарын калтыратып... [6, с. 67].*

В переводе «херувим» становится белым ангелом («ак-периште»), в строчке «Хранитель грешницы прекрасной» — «Күнөөкөр жаш сулуунун ийнинде ээси»

¹² Үйдүн көркү аялда (кыргызская пословица).

(«хранитель грешной юной красавицы») появляется уточнение в виде «юной красавицы». В строке «*Стоит с блистающим челом*» — «*Нур төгүн кабак-кашын жаркыратып*» («лучезарный с блистающим челом») херувим не просто «стоит», а превращается в «лучезарного». А в строке «*И от врага с улыбкой ясной*» — «*Душманга калкан болуп күлүңдөөсү*» («служит щитом от врага его улыбка») к «ясной улыбке» добавляется функция «щита». И строки о Тамаре: «*Приосенил ее крылом*» — «*Коргоду канаттарын калтыратып...*» («защитил, трепеща крылами») усиливаются в переводе смысловой нагрузкой, идущей от словосочетания «трепеща крылами», в данном контексте означающего «изо всех сил». Вольность перевода объясняется особенностями построения предложений в русском языке, чуждого кыргызскому. Отсюда следует, что в рамках органичной адаптации поэтического текста и стиля при его переводе на кыргызский язык переводчик прибегает к наиболее приемлемым эквивалентам. Сложность данного процесса обусловлена отсутствием родства между русским и кыргызским языками. Это проявляется и в том, что некоторые слова¹³ из русского языка отсутствуют в кыргызском. Например, как перевести слово «приосенил»? Безусловно, здесь приходится прибегнуть к образному переосмыслению переводимого слова и исходить из контекста, в данном случае выражение «приосенил (прикрыл тенью) крылом» равнозначно мысли «защитил крылом», следовательно перевод вполне адекватен. Можно сказать о том, что образ описанного Лермонтовым Ангела передан корректно. Если говорить о концептах, то в «Демоне» на русском языке Ангел выступает в роли «покровителя», который заступает за своего протеже, то есть человека, хранит¹⁴ его. А вот в «Азреиле» Ангел становится «защитником»¹⁵ человека. Это более активная позиция по отношению к злу — не просто покровительствовать человеку, но, как щитом, защищать его от зла. На протяжении истории у кыргызов, как в доисламской, языческой культуре, так и после прихода ислама, была очень сильна вера в защиту человека добрыми духами от нечистой силы.

Конфликт

Главным конфликтом поэмы можно назвать извечную борьбу добра и зла, проявляющуюся в противостоянии Ангела и Демона. В этом противоборстве важную роль играет выбор человека, который принимает ту или иную сторону и тем самым либо спасает, либо губит свою душу.

Ангел обращается к Демону:

*«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след...»* [5, с. 512].

¹³ К примеру, поэтические.

¹⁴ «Хранитель грешницы прекрасной».

¹⁵ «Коргоду канаттарын калтыратып...» («защитил, трепеща крылами»).

На кыргызском языке это звучит так:

*«Беймаза, каргыш тийген рух залим,
Карайлап түн жарымында эмне келдиң?
Бул жерде эч ким да жок сени арзыган,
Сен өңдүү кара кырсык из баспаган;
Арзуума ыйык тутуп медеп кылган,
Кылмыштуу жүзүң менен башбакпагын» [6, с. 68].*

«Дух беспокойный, дух порочный» — «Беймаза, каргыш тийген рух залим» («Беспокойный, проклятый, жестокий дух») — в переводе на кыргызский язык данное обращение Ангела к Демону имеет оттенок иронии. «Кто звал тебя во тьме полночной?» — «Карайлап түн жарымында эмне келдиң?» («Зачем во тьме полночной ты явился?») В этих строчках мы видим, что в оригинале поэмы встает вопрос о том, кто «звал» Демона, а в переводе — о том, зачем он «пришел», то есть в «Азрелие» Демон превращается в субъект действия. В строке «Твоих поклонников здесь нет» — «Бул жерде эч ким да жок сени арзыган» («Никто тебя здесь видеть не желает») мы видим вольный перевод с сохранением смысла, однако кыргызский вариант становится более обобщенным. «Зло не дышало здесь поныне» — «Сен өңдүү кара кырсык из баспаган» («Такое, как ты, несчастье здесь не ступало») — в этой строчке слово «не дышало» заменено на «не ступало», в данном контексте их можно считать эквивалентными друг другу, при этом сама конструкция предложения, как мы видим, сохраняется. Перевод «К моей любви, к моей святыне» — «Арзуума ыйык тутуп медеп кылган» («В святыню, которой поклоняюсь и возлагаю надежду») получается достаточно органичным, передает суть и даже детализирует происходящее словами «поклоняюсь и возлагаю надежду». Строка «Не пролагай преступный след» переведена как «Кылмыштуу жүзүң менен башбакпагын» («Преступный лик свой не являй»). «Преступный след» и «преступный лик» — это, конечно, разные вещи, однако «лик» в данном случае вполне гармонично вплетается в общую канву перевода. На первый взгляд, перевод обращения Ангела кажется достаточно вольным, но, сохранив главную мысль, он призван передать иными, чем в русском языке, выразительными средствами кыргызского языка эмоции и негодование Ангела. С этой задачей переводчик справился.

Демон говорит Ангелу:

*«...Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!»
И Ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул [5, с. 513].*

О. Султанов перевел эти строки следующим образом:

*«Бул ыйык арзуу эми болбойт сендик
Муну эми мен бийлеймин, мен сүйөмүн!»
Көз менен аянычтуу ак периште*

*Бир карап курман болчу байкуш кызды, –
Ал анан канаттарын аста шилтеп
Асманга төнүп барып караан үздү [6, с. 68].*

Можно констатировать буквальный перевод строчки «...Здесь больше нет твоей святыни» — «Бул ыйык арзуу эми болбойт сендик» («эта святыня больше не твоя»), отличающийся от оригинала лишь композиционно. А вот в строке «Здесь я владею и люблю!» — «Муну эми мен бийлеймин, мен сүйөмүн!» («Теперь я здесь танцую и люблю!») слово «владею» заменено на слово «танцую». Вопрос о том, насколько оправдана такая замена, остается открытым; вероятно, можно было бы найти более подходящий эквивалент. Несмотря на это, нужно отметить, что смысловая нагрузка оригинала все же сохраняется. В переводе строк «И Ангел грустными очами / На жертву бедную взглянул» — «Көз менен аянычтуу ак периште Бир карап курман болчу байкуш кызды» («глазами жалостными белый ангел, Взглянув на деву бедную на пороге смерти»), в отличие от оригинальных¹⁶, присутствует деепричастный оборот, действие не закончено, а также слово «жертва» заменено на «дева на пороге смерти», то есть в данном случае переводчик расширяет образный ряд, призванный дать читателю больше информации, чем дал автор. «И медленно, взмахнув крылами, / В эфире неба потонул» переведено как «Ал анан канаттарын аста шилтеп Асманга төнүп барып караан үздү» («потом он, медленно взмахнув крылами, растворяясь в небе, скрылся из виду»). Как мы видим, при переводе диалог Ангела с Демоном строится на деепричастных оборотах, что свойственно кыргызскому языку, а значит, это вполне объяснимо, тем более суть переводимых фрагментов передана очень точно, как с поэтической, так и с технической стороны. О. Султанов, переводя диалог Ангела и Демона, пытается углубиться в их конфликт, в главное идейное противостояние поэмы, расширить границы образов, данных Лермонтовым, как бы дописать его картину, снабдив ее новыми штрихами.

В противостоянии Ангела и Демона в оригинальном тексте действуют концепты «рай», олицетворяющий Ангела и беззаботную жизнь, полную радости, и «ад» — обитель зла и горя, пристанище Демона. В переводе на кыргызский язык эти концепты преобразуются в «свет» и «тьму». Ангел-защитник и отрешенный от мира Демон, являясь антагонистами, символизируют светлую и темную стороны бытия, и от человека (в данном случае от Тамары) зависит то, на какую сторону встать. Если у Лермонтова это больше относится к вопросу веры и спасения души (рай или ад), то у Султанова в переводе встает вопрос выбора и покаяния (светлая или темная сторона бытия). Здесь мы возвращаемся к взаимодействию концептов «спасение» и «очищение», которые касаются темы веры в Бога.

Роль природы

Прекрасные пейзажи Кавказа добавляют поэме мощи и силы, придают задумке автора дополнительный романтический мистицизм.

Описания природы в оригинале поэмы [5, с. 498] изобилуют сравнениями, а в переводе на кыргызский язык [6, с. 51] они превращаются в эпитеты и олицетворения: «Под ним Казбек, как грань алмаза...» — «Алмаз кыр Казбек жатты дал

¹⁶ В которых есть глагол (сказуемое) — «взглянул».

астында) («Золотовершинный Казбек расстился под ним»), соответственно в кыргызском переводе «*грань алмаза*» стала «*золотовершинным*»; «*Снегами вечными сиял...*» — «*Ак карлуу нур чагылтып аскалуу учу*» («Белоснежным лучом сияют вершины скал»): «*снега вечные*» превратились в «*белоснежный луч*»; «*Как трещина, жилище змея*» — «*Салгандай жер жарылып жылан уя*» («И как будто земля, расколовшись, свила змеиное гнездо»): строка «*трещина — жилище змея*» переведена как «*расколовшись, свила змеиное гнездо*». Красоту грузинской природы Лермонтов передает, используя разнообразные средства выразительности, в качестве примера мы рассматриваем сравнение. Безусловно, при переводе текста средства выразительности меняются, так как вместе с языком трансформируются его структура и способы подачи информации.

Описывая природу, Лермонтов раскрывает ряд смысловых моментов поэмы, когда природа — творение Бога — ненавистна Демону, и в этом тоже проявляется его противопоставление Творцу и всему, что им создано, в данном случае окружающему миру. Описание белоснежных вершин Казбека и бурного Терека, других особенностей грузинской природы призвано подчеркнуть величие Кавказа — творения Бога. В описании природы в «Демоне» и «Азреиле» работает концепт «**мир**» в значении окружающей среды. Если в оригинале поэмы природа рассматривается скорее как дивный мир, отвергаемый Демоном, то в переводе она становится еще одним полноправным действующим лицом произведения, обогащая его дополнительными деталями, смыслами и характеристиками, привнесенными переводчиком в силу того, что тема природы очень знакома и близка кыргызской аудитории.

Заключение

Если мы говорим о поэме, то восприятие и воссоздание поэтического текста требует дополнительных технических возможностей. Своеобразие морфологии слов, синтаксиса, различия в моделях постановки ударений, словообразования, длины слов, а соответственно, длины стиха, а также в традициях стихосложения — все это может стать причиной определенных трудностей при переводе поэзии [9, с. 367]. О. Султанову, как автору многочисленных собственных поэтических произведений, опытному поэту с собственным видением мира, удалось сгладить эти углы и представить вниманию кыргызской аудитории эквивалентный и адекватный перевод «Демона». Отдельные слова и конструкции меняются и добавляются Султановым при переводе с целью объяснения описываемой ситуации и состояния героев либо усиления воздействия. Это делается для достижения максимально комфортного восприятия текста кыргызскоязычными читателями. При этом вольность перевода поэтического текста зачастую обусловлена нюансами стихосложения, соблюдения размера и рифмы.

Анализ художественного перевода романтической поэмы М. Ю. Лермонтова на кыргызский язык, его сопоставление с оригиналом произведения показали, что «Азреил» на кыргызском языке заиграл новыми красками, приобрел дополнительные смыслы, исходящие от миропонимания и мировоззрения кыргызскоязычной аудитории. В культурах, где есть билингвизм, люди могут свободно говорить на двух и более языках, но думают они на одном из них. Здесь мы должны оговориться, что аудитория «Азрейла» — это люди, «думающие на кыргызском языке». От-

сюда следуют появление и упрочение в переводе поэмы отличных от оригинала концептов в рамках кыргызской культуры. Те или иные концептуальные решения переводчик применяет, исходя из традиционной для кыргызского населения картины мира и культурно-лингвистических особенностей кыргызского языка. В ходе контент-анализа идейно-тематических центров поэмы «Демон» в разрезе их поэтического перевода на кыргызский язык были выявлены особенности перевода с точки зрения его эквивалентности, адекватности, элементов буквализма и вольности, определены концептуальные образы, заложенные переводчиком О. Султановым в его «Азреил» с учетом своеобразия кыргызской культуры и языкового менталитета. В силу отсутствия родства между русским и кыргызским языками художественный перевод осуществлен на основе образного восприятия и воспроизведения поэмы с опорой на изучаемые в данной работе концепты. Известный кыргызский литературный критик Чоюн Омуралиев пишет: «Обращение к загадочному произведению Лермонтова, поэме “Азреил”, словно пробудила и взбудоражила доселе неизвестные, скрытые и нереальные силы Омоке. В результате загораются и соприкасаются миры двух великих поэтов — автора и переводчика, а произведение пускает корни в новой почве» [10]. Переводчик, используя лингвокультурологический подход, должен четко знать и понимать нюансы национального сознания, культуры и опыта как исходного языка, так и языка перевода. О. Султанов, являясь билингом, при переводе поэмы Лермонтова успешно интегрировал особенности кыргызской мировоззренческой системы в образный ряд оригинального произведения. При этом он применил лингвокультурные приемы, позволяющие уравнивать степень воздействия на аудиторию переведенного текста и оригинала.

Таким образом, можно констатировать, что О. Султанов, дополнив образно-смысловую картину лермонтовского «Демона», представил вниманию кыргызских читателей своего качественного, эквивалентного ему «Азреила».

Литература

1. Шулятиков И. С. Термин «концепт» в современной лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 98–102.
2. Переводы и изучение Лермонтова в литературах народов СССР // Библиотека о Михаиле Юрьевиче Лермонтове. URL: <http://m-y-lermontov.ru/lermontov/item/f00/s01/e0001018/index.shtml> (дата обращения: 03.12.2022).
3. Омору Султанову вручена премия М. Лермонтова // Радио Азаттык. URL: <https://rus.azattyk.org/a/2966153.html> (дата обращения: 10.12.2022).
4. Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова (1841) // Поэма «Демон» в русской критике (с середины XIX века до наших дней) / ред.-сост. Г. Н. Серегин. URL: <https://www.litres.ru/gay-nikolaevich-sere/поэма-demon-v-russkoj-kritike-s-serediny-xix-veka-do/chitat-onlayn/> (дата обращения: 12.12.2022).
5. Лермонтов М. Ю. Избранные произведения в двух томах. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М.: Худ. лит., 1973. 624 с.
6. Султанов О. Чыгармалардын көп томдук жыйнагы. Котормолор [Многотомный сборник произведений. Переводы]. Т. 6. Бишкек: Туар, 2016. 492 с. (На кырг. яз.)
7. Vede E. V., Leleka E. V. Peculiarities of translation of poetic texts // Languages in professional communication: сб. мат.-лов междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов и студентов, Екатеринбург, 28 мая 2020 г. / отв. ред. Л. И. Корнеева. Екатеринбург: Изд. дом «Ажур», 2020. С. 161–165.

8. Zhanturina B. N. Poetic inversion under translation // Current Issues in Modern Linguistics and Humanities: сб. ст. XI Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием, Москва, 15 марта 2019 г. М.: РУДН, 2019. С. 177–185.

9. Прибыткова И. В. Проблема поэтического перевода // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 363–369.

10. Өмүралиев Ч. Тубаса. 2015-жыл — түрк дүйнөсүндө Омор Султановдун жылы // Кыргызстандын жаңы адабияты. [Омуралиев Ч. Врожденный. 2015 год объявлен годом Омора Султанова в тюркоязычном мире // Новая литература Кыргызстана.] URL: <http://www.literatura.kg/articles/?aid=2208> (дата обращения: 05.02.2023). (На кырг. яз.)

Статья поступила в редакцию 11 мая 2023 г.,
рекомендована к печати 27 февраля 2024 г.

Контактная информация:

Султанова Жыпар Оморовна — д-р филол. наук; jeep502@inbox.ru

Conceptual and Meaningful Originality of the Literary Translation of the Poem *Demon* by M. Yu. Lermontov into the Kyrgyz Language in the Version of O. Sultanov

Zh. O. Sultanova

Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin, 44, ul. Kievskaya, Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic

For citation: Sultanova Zh. O. Conceptual and Meaningful Originality of the Literary Translation of the Poem *Demon* by M. Yu. Lermontov into the Kyrgyz Language in the Version of O. Sultanov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2024, vol. 16, no. 2, pp. 423–439. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.209> (In Russian)

M. Yu. Lermontov's poem *Demon* is the most mystical and popular (including translations) work of the poet. It demonstrates the multi-layered themes and images embedded in it. The relevance of the study is marked by the fact that in the course of literary translation, the text has even more additional facets and meanings. In Kyrgyzstan, the Kyrgyz is the state language, and Russian has the status of an official one, therefore, their cooperation can reveal the entire spectrum of the socio-cultural background of the Kyrgyz audience. Its bilingualism makes the translator be even more responsible since almost every Kyrgyz reader, knowing both languages, is able to assess the quality of the translation. However, there is the little-studied interaction between the Russian and Kyrgyz languages in the framework of literary translation, which determines the novelty of this study. The problem of the research is a literary translation in the conditions of contact of unrelated languages — Russian and Kyrgyz. The purpose of the work is to identify the conceptual foundations of the Kyrgyz translation of the poem *Demon* by comparing it with the original work. The main objectives include the study of the features of the Kyrgyz literary translation of the *Demon* in the version of the People's Poet of Kyrgyzstan Omor Sultanov. In Kyrgyz it is called *Azreil*. The conceptual and semantic accents of poem's translation are of paramount importance, while the assessment of its equivalence and adequacy, as well as the degree of adaptability, are additional parameters for study.

Keywords: *Demon*, *Azreil*, poetic translation into Kyrgyz language, concept, meaningful originality, equivalence, adequacy, M. Lermontov, O. Sultanov.

References

1. Shuliatikov I.S. The term “concept” in modern linguistics. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2015, no. 12, pp. 98–102. (In Russian)
2. Translations and study of Lermontov in the literatures of the peoples of the USSR. Biblioteka o Mikhaile Iur'eviche Lermontove. Available at: <http://m-y-lermontov.ru/lermontov/item/f00/s01/e0001018/index.shtml> (accessed: 03.12.2022). (In Russian)
3. Omor Sultanov was awarded the M. Lermontov Prize. *Radio Azattyk*. Available at: <https://rus.azattyk.org/a/2966153.html> (accessed: 10.12.2022). (In Russian)
4. Belinsky V.G. Poems by M. Lermontov (1841). *Poema “Demon” v russkoi kritike (s serediny XIX veka do nashikh dnei)*. Ed. by G.N. Seregin. Available at: <https://www.litres.ru/gay-nikolaevich-sere/poema-demon-v-russkoy-kritike-s-serediny-xix-veka-do-chitat-onlayn/> (accessed: 12.12.2022). (In Russian)
5. Lermontov M. Yu. *Selected works in two volumes. Poems*. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973. 624 p. (In Russian)
6. Sultanov O. *Multi-volume collection of works. Translations*. Vol. 6. Bishkek, Turar Publ., 2016. 492 p. (In Kyrgyz)
7. Vede E.V., Leleka E.V. Peculiarities of translation of poetic texts. *Languages in professional communication: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, aspirantov i studentov, Ekaterinburg, 28 maia 2020 g.* Ed. by L.I. Korneeva. Ekaterinburg, Azhur Publ., 2020, pp. 161–165. (In Russian)
8. Zhanturina B.N. Poetic inversion under translation. *Current Issues in Modern Linguistics and Humanities: sbornik statei XI Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 15 marta 2019 g.* Moscow, RUDN Publ., 2019, pp. 177–185. (In Russian)
9. Pribytkova I.V. The problem of poetic translation. *Molodoi uchenyi*, 2020, no. 2 (292), pp. 363–369. (In Russian)
10. Omuraliev Ch. Innate. 2015 — the year of Omor Sultanov in the Turkic-speaking world. *Novaia literatura Kyrgyzstana*. Available at: <http://www.literatura.kg/articles/?aid=2208> (accessed: 05.02.2023). (In Kyrgyz)

Received: May 11, 2023

Accepted: February 27, 2024

Author's information:

Zhypar O. Sultanova — Dr. Sci. in Philology; jeep502@inbox.ru